

XX век.

Музыка войны и мира

МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ

ББК 85.31
УДК 78
Д 15

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
Проект № 15-34-11507г*

Издано при поддержке ВР

Редакторы-составители:

*Е.С. Власова, доктор искусствоведения, профессор
К.В. Зенкин, доктор искусствоведения, профессор
М.А. Карачевская, кандидат искусствоведения*

Рецензенты:

*Р.А. Насонов, кандидат искусствоведения, доцент;
Г.А. Моисеев, кандидат искусствоведения, ст. науч. сотрудник*

Д 15 Двадцатый век. Музыка войны и мира: Материалы международной научной конференции / ред.-сост. Е.С. Власова, К.В. Зенкин, М.А. Карачевская. – М.: Прогресс-Традиция, 2016. – 616 с., нот., ил.

ISBN 978-5-89826-462-8

Сборник составлен по материалам Международной научной конференции «XX век. Музыка войны и мира», прошедшей в Московской консерватории 21–25 апреля 2015 года. Статьи затрагивают широкий спектр философских, социальных, исторических, культурно-политических, музыкально-теоретических проблем, так или иначе связанных с темой войны. Это исследования о войне и мире, о нравственных и этических вопросах, экскурсы в музыкально-общественную жизнь 1941–1945 годов в СССР и за рубежом, непосредственное отражение мировых и локальных войн в различных направлениях искусства и музыкальных жанрах, в национальных школах, в творчестве отдельных композиторов. Ряд статей основан на архивных документах, впервые вводимых в научный оборот.

Сборник адресован музыковедам, историкам и всем интересующимся проблемами отечественной и зарубежной музыки XX–XXI веков.

**УДК 78
ББК 85.31**

ISBN 978-5-89826-462-8

© Коллектив авторов, 2015
© Прогресс-Традиция, 2015

Содержание

От составителей

13

МУЗЫКА И ВОЙНА

К.В. ЗЕНКИН

Музыкальная интонация
в эпоху глобальных катастроф

21

А. ВЕРМАЙЕР

Преодоление последствий войны
в области культуры: конструкция
и идеология немецкой музыки на Востоке

37

Е.С. ВЛАСОВА

Влияние западного музыкального сообщества на
официальный статус советских композиторов
во время Великой Отечественной войны
и в послевоенные годы

46

А.М. ЦУКЕР

Антивоенная тема в русском роке

63

МУЗЫКАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ СССР ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

С.С. ГОЛУБЕНКО

Московская консерватория в первые годы
Великой Отечественной войны

87

Е.С. ЗИНЬКЕВИЧ

Консерватория в оккупированном Киеве

(19.09.1941–06.11.1943)

109

П.Е. ВАЙДМАН

«Главное дело жизни» Маргариты Риттих –
директора Дома-музея П.И. Чайковского в Клину
в годы Великой Отечественной войны

125

А.Г. АЙНБИНДЕР

Научные сессии Дома-музея П.И. Чайковского
в годы Великой Отечественной войны (1943–1944)

139

М.Д. ЧЕРТОК

Музыка Парада Победы

150

М.А. КАРАЧЕВСКАЯ

Работа Дмитрия Шостаковича над Гимном СССР

157

М.Г. ДОЛГУШИНА

Из истории музыкальной жизни Вологды
в годы Великой Отечественной войны

178

М.А. БЕЛОКРЫС

Музыкальный Омск

в годы Великой Отечественной войны:
потери и обретения

187

ТЕМА ВОЙНЫ В МУЗЫКАЛЬНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

И.В. СТЕПАНОВА

Военная музыка и «музыка» войны в жизни
и творчестве Александра Куприна
205

М.Н. ЩЕРБАКОВА

Владимир Дешевов и его музыка к фильму
Фридриха Эрмлера «Обломок империи» (1929)
216

П. ЗУК

Семантика горя в финале Шестой симфонии
Николая Мясковского
231

Е.Б. ДОЛИНСКАЯ

Композитор на войне и о войне.
Николай Мясковский
239

Е.В. КРИВЦОВА

Сергей Прокофьев: «Я очень хотел бы,
чтобы эти песни пелись...» (Семь массовых песен
для голоса с фортепиано, ор. 89, 1941–1942)
250

Н.А. БАБАТАШ

Военные песни Сергея Прокофьева
264

Е.М. ШАБШАЕВИЧ

Прокофьевский миф о великом полководце
280

И.С. ВОРОБЬЁВ

Советская кантата и оратория в годы войны:
мифология сюжетов
298

Я.В. ГЛУШАКОВ

Песни военных лет: жизнь и память
309

Г.Т. АЛЬПЕИСОВА

Война в художественных текстах:
песни-письма с фронта казахского народа
315

Е.Д. КРИВИЦКАЯ

Клод Дебюсси в годы Первой мировой
войны: композитор и гражданин
326

В.В. ЖАЛНИН

Первая мировая война
в судьбах Дариуса Мийо и Лео Латиля
342

П. БЕККЕР

Павшее поколение: сравнение музыкальной жизни
и композиторского творчества в Великобритании
периода Первой мировой войны и в России
периода Второй мировой войны
348

Г. ШРЁДЕР

О том, что следовало осуществить музыке:
австрийско-немецкий композитор
Иоганн Непомук Давид
361

ПОСЛЕВОЕННЫЙ СЛЕД В МУЗЫКЕ

А.А. БАЕВА

Военная тема в операх отечественных композиторов
второй половины XX столетия
373

Е.С. МИРОНЕНКО

Трансформация образов агрессии
в симфоническом творчестве начала XXI века
387

Г.В. ГРИГОРЬЕВА

Война и мир в творчестве Николая Сидельникова
406

Т.Ю. МАСЛОВСКАЯ

Отзвуки гражданской войны в хоровом творчестве
Георгия Свиридова
413

О.В. СИНЕЛЬНИКОВА

Образы Апокалипсиса в «Dies irae» Родиона Щедрина
421

Н.Н. СУРНИНА

Терпсихора в солдатской шинели
442

Е.Е. ПОТЯРКИНА

Тема Великой Отечественной войны
в современной хореографии.

Балет «Письма с фронта»
на музыку Валерия Гаврилина

460

С.А. УВАРОВ

Музыкально-кинематографические
образы войны в творчестве Александра Сокурова

469

Е.П. ОСИПОВА

Временная дистанция
как фактор жанровой избирательности
в сочинениях композиторов Туркменистана,
посвященных событиям Второй мировой войны

482

Г.Т. АКПАРОВА

Тема войны в музыкальной культуре Казахстана

487

Е.Р. СКУРКО

Военная тема и ее отражение в Шестой симфонии
Рафаила Касимова

498

А.М. ЛЕСОВИЧЕНКО

Антифранцузский порыв
офранцузенного вьетнамца. Война в жизни
и творчестве Нгуена Лантуата (1935–2014)

508

Н.В. ЛОЗОВСКАЯ

Кантата «Уцелевший из Варшавы»
и псалом «De profundis» Арнольда Шёнберга:
осмысление судьбы еврейского народа,
пережившего фашистское гетто
516

Е.В. ФЕРАПОНТОВА

Яннис Ксенакис. Музыка сопротивления
525

Р. ДАЛЬМОНТЕ

«Четыре письма» Бруно Мадерны как проявление
его общественной позиции
537

Ф. ХАЙДЛЬБЕРГЕР

Электронная оратория Эрнста Кшеника
«Spiritus Intelligentiae» (1955/1956) и рассуждения
о сериализме после Второй мировой войны
545

ЧОН ВАЙ ЛИН

Финал «Et exspecto resurrectionem mortuorum»
(«Чаю воскресения мертвых») Оливье Мессиана:
по ком звонит колокол?
561

К.А. ЖАБИНСКИЙ

Метаморфозы «вооруженного человека»:
месса «The Armed Man» Карла Дженкинса
в историко-культурном контексте XX–XXI веков
579

Именной указатель
590

Сведения об авторах
610

МОСКОВСКАЯ КОНСЕРВАТОРИЯ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Период Великой Отечественной войны в истории любого учреждения в сфере культуры и искусств занимает особое место. Война словно шторм ворвалась в повседневную жизнь этих организаций, нарушила привычный размеренный ритм их жизни. Также и в судьбах деятелей искусства того времени – музыкантов, художников, актеров и писателей – произошли коренные изменения.

Удивительный парадокс: несмотря на очевидную трагичность событий войны, несмотря на масштабы потерь – людских и материальных, война показала нам и другую свою сторону – силу сплочения людей, их героический подвиг не только на фронте, но и в тылу. Это сплочение проявлялось не только в конкретной работе, но и в отношении к происходящему, в котором находилось место и отголоскам мирной жизни, юношескому позитивному взгляду на жизнь.

В своих воспоминаниях о годах войны пианист Л.Н. Берман (в 1941 году – учащийся Центральной музыкальной школы при Московской консерватории) писал: «Мы, учащиеся ЦМШ, не потеряли не только ни одного года – ни одного часа учебного плана! Мы занимались у лучших педагогов. Мы играли часто в больницах и в госпиталях, принимали участие в каких-то сельскохозяйственных работах. Однажды во время обеда один из педагогов наших, Елена Петровна Ховен, вдруг вынула изо рта довольно большой осколок зенитного снаряда. Оказалось, что один из осколков упал в суп, пока его несли к нам через внутренний двор на обед. Осколки вообще занимали большое место в нашей жизни. Мы собирали коллекции и активно ими менялись. Пребывание в эвакуации нас спасло. Никто из нас не болел по-настоящему,

мы были сыты, обуты, мы учились. По-моему, это было потрясающе. Пища была, конечно, однообразной, но овсяную кашу давали каждый день»¹.

Конечно, судьбы деятелей искусств складывались по-разному, и далеко не каждый сохранил в памяти столь светлые воспоминания, как автор цитируемых слов, но все же эти воспоминания очевидца приобретают особое звучание для нас, живущих 70 лет спустя после окончания войны...

Вопреки всему в тяжелейшие годы войны руководство страны принимало решения, имеющие важнейшее значение для будущего мирного развития государства.

Так, в 1943 году был проведен Всесоюзный смотр молодых музыкантов. В том же году открылись Школа-студия имени Немировича-Данченко при МХАТе имени Чехова и Школа-студия при Ансамбле народного танца Игоря Моисеева, в 1944 году – Музыкально-педагогический институт имени Гнесиных и Институт истории искусства и охраны памятников архитектуры при Академии наук СССР (ныне – Государственный институт искусствознания), в 1945-м – Пермское хореографическое училище и Казанская консерватория. Последние две организации обязаны своим появлением эвакуации в эти города в годы войны столичных хореографов и музыкантов – удивительный пример того, как благодаря войне развитие искусства и культуры во многих городах СССР получило мощнейшую подпитку от мастеров искусств.

Еще один удивительный пример: 19 июня 1942 года, всего год спустя после начала войны, Всесоюзный комитет по делам высшей школы при Совете народных комиссаров СССР (ВКВШ при СНК СССР) направляет в вузы приказ № 113/м, в котором было всего два пункта: «1. Отменить учебные планы, введенные на военный период, с сокращенным сроком обучения. 2. С начала 1942/43 учебного года проводить обучение студентов по нормальным учебным планам довоенного времени».

* * *

Как истории любой организации в годы войны, так и истории Московской консерватории военного периода посвящено много статей и личных воспоминаний. При

этом, несмотря на обилие публикаций, «за кадром» все еще остаются очень важные эпизоды жизни главного музыкального вуза страны, в том числе связанные с ополчением или так называемой «эвакуацией» консерватории, особенности организации и специфика концертной деятельности.

Меньше всего внимания в публикациях об истории Московской консерватории уделялось первому году войны. Между тем именно этот период отмечен незаурядными и малоизвестными событиями и фактами. Попробуем рассмотреть некоторые из них.

Московская консерватория в предвоенные годы имела двойное подчинение. Как вуз она подчинялась Всесоюзному комитету по делам высшей школы, как музыкальный и культурный центр – Всесоюзному комитету по делам искусств при Совете народных комиссаров СССР (ВКДИ при СНК СССР).

Перед началом войны консерватория, по словам Ю.В. Келдыша, представляла собой «обширный комбинат, включающий несколько самостоятельных учреждений, которые концентрировались вокруг собственно музыкального вуза, направлялись и руководились им в своей работе»².

Структура Московской консерватории в июне 1941 года
Факультеты: вокальный, оркестровый, фортепианный, дирижерско-хоровой, композиторский, историко-теоретический, военный (военно-дирижерский), факультет детского музыкального воспитания
Междисциплинарные кафедры: камерного ансамбля, струнного квартета, истории и теории пианизма, марксизма-ленинизма и общественно-политических наук, политэкономии и гражданской истории
Национальные студии (отделения): Татарская, Башкирская, Узбекская, Туркменская, Казахская, Северо-Осетинская, Киргизская
Оперная студия
Аспирантура исполнительская и научно-педагогическая (Школа высшего художественного мастерства)
Институт повышения квалификации
Музыкальная библиотека всесоюзного значения
Центральная музыкальная школа
Музыкальный техникум (училище) им. А.Г. Рубинштейна с детской школой

Лаборатории: фортепианной педагогики, акустическая и фонетическая
Кабинеты: музыкальной педагогики, истории и теории пианизма и изучения творчества народов СССР

1941-й – год 75-летия Московской консерватории. Второй раз в XX веке судьба готовила вузу серьезные испытания, фактически срывая юбилейные торжества (50-летний юбилей совпал с периодом Первой мировой войны). Вместо праздничных мероприятий произошли существенные изменения в повседневной жизни консерватории.

С началом войны студенты и педагоги, сотрудники консерватории, активисты партийной организации добровольцами уходили на фронт, формировались коммунистические батальоны, затем – дивизии народного ополчения.

Многие были направлены на военные сборы, на строительство оборонительных рубежей, на спецзадания, в последних числах июня все оставшиеся в консерватории студенты были направлены в колхозы на сельскохозяйственные работы.

Формировались и концертные бригады по обслуживанию частей Красной Армии, мобилизационных и призывных пунктов, а позднее также и госпиталей.

Знаменательным событием стало открытие в консерватории 2 июля школы медсестер. В основном в школе учились студентки историко-теоретического факультета, но также были и педагоги, среди которых нельзя не назвать профессора М.В. Юдину. Учебный план школы медсестер был утвержден Наркомздравом, ВКВШ при СНК СССР и Санитарным управлением РККА. Срок обучения составил 2 месяца с ежедневной продолжительностью учебного дня в 8 часов (иногда до 10 часов). 45 выпускниц школы в сентябре 1941 года ушли на фронт – в госпитали и медсанбаты, некоторых выпускниц школы на фронт не взяли, оставили учиться в консерватории³.

В середине июля были сформированы пожарно-сторожевые отряды (руководители – А.П. Агажанов и Т.Ф. Мюллер) и установлены круглосуточные дежурства. В консерватории действовали также медико-санитарная служба, служба све-

Состав слушательниц школы медсестер Московской консерватории (июль – август 1941 г.)			
Андреева Л. – студентка 3-го курса	Королева Н. – студентка 4-го курса	Петриковская – студентка 3-го курса	Савинцева Е. – студентка 3-го курса
Аристова Н. – студентка 4-го курса	Кауфман Н. – студентка 4-го курса	Рошаль С. – аспирантка	Альмухамедова – студентка 3-го курса
Бугачевская Р. – студентка 2-го курса	Красинская А. – студентка 1-го курса	Рогуль И. – студентка 4-го курса	Барановская Р. – студентка 2-го курса
Гершель Р. – аспирантка 2-го курса	Курбанова Р. – студентка казахского отделения	Сулейманова – студентка башкирского отделения	Добровольская А. – артистка студии
Грузинова Е. – студентка училища	Лопатина Н. – студентка 2-го курса	Сыртланова – студентка 1-го курса	Смирнова М. – артистка хора
Девлишева Т. – студентка	Левит С. – аспирантка 3-го курса	Хейфак – школа МГК	Кулишова М. – артистка хора
Думанян Н. – студентка музыкального училища	Людевич – студентка	Фридман Б. – концертмейстер	Торопова М. – артистка хора
Елисеева – студентка 4-го курса	Мунбаева – студентка	Пранцевил – студентка 4-го курса	Дьяченко М. – артистка хора
Зарубина Е. – студентка 5-го курса	Мусинян – педагог МГК	Шварц Н. – преподаватель	Воскресенская М. – артистка хора
Зеньковская М. – студентка 2-го курса	Очаковская О.О. – аспирантка 2-го курса	Уралова – аспирантка	Лебедева А. – артистка хора
Идзон М.П. – студентка 2-го курса	Салютринская – студентка 3-го курса	Сейдель Е. – студентка 4-го курса	
	Парсамян Ц. – студентка 4-го курса	Юдина М. – педагог	

томаскировки и ремонтно-восстановительных работ, служб химической защиты.

По воспоминаниям очевидцев, бомбы (в том числе зажигательные) падали в районе консерватории с определенной регулярностью (путь немецких самолетов к Кремлю пролегал совсем близко!). В вузе были оборудованы три бомбоубежища, самое большое из которых находилось под Большим залом. Очевидцы указывали, что в ноябре 1941 года из-за взрыва фугасной бомбы совсем близко от

здания консерватории были сильно повреждены почти все окна, «полетели» рамы и стекла Большого зала, а «колонны, подпиравшие Большой зал, покачнулись сначала в одну сторону, а затем в другую, на мгновение остановились, а затем встали на свои места»⁴. Взрывной волной был разрушен красочный витраж «Святая Цецилия» в фойе Большого зала консерватории (восстановлен в 2011 году).

Участие Московской консерватории в формировании народного ополчения – отдельная очень интересная тема. В числе 262 человек, записавшихся на митинге в Малом зале консерватории 4 июля, были известные к тому времени музыканты: Э.Г. Гилельс, Д.М. Цыганов, В.В. Борисовский, братья В.П. и С.П. Ширинские, А.Б. Дьяков, А.И. Окаёмов и другие. Консерваторцы попали в состав 8-й дивизии Краснопресненского района⁵, многие потом были отозваны – по болезни, в связи с наличием брони, для продолжения обучения⁶.

Ополченцы, постепенно продвигаясь на запад, в конце сентября – начале октября первого года войны ценой своих жизней на несколько дней задержали продвижение немецких войск на Москву. После тяжелых боев в районе деревни Лозино (юго-восточнее г. Ельня Смоленской области) в начале октября 1941 года 8-й дивизии народного ополчения не стало⁷. Выжить удалось немногим. В их числе был будущий профессор и проректор Московской консерватории, виолончелист С.Т. Кальянов – в составе одной из групп ополченцев он, раненый, выходил из окружения. Многие (среди них: А.Б. Дьяков, А.И. Окаёмов, Г.П. Лузенин и К.Я. Серостанов) попали в плен. Судьба некоторых музыкантов до сих пор неизвестна...

О численности консерваторцев, ушедших в ополчение, мы можем судить по множеству разрозненных приказов. Самый полный из них появился лишь 16 августа – приказ № 481 (549), но и он был далек от реального положения дел.

Уже впоследствии, в различных приказах осени и начала зимы 1941 года, стали появляться фамилии то одного, то другого студента или аспиранта, «забытого» руководством консерватории. Некоторые студенты ошибочно числились как находившиеся в ополчении в сентябре 1941 года, когда многие из них отзывались для продолжения обучения или

Памятный знак
погибшим, установ-
ленный Московской
консерваторией
в 2005 году в г. Ельне
Смоленской обл.

направлялись в военные училища. Были и выпускники консерватории, ушедшие в ополчение еще до получения диплома, однако в дальнейших приказах по вузу их фамилий по понятным причинам мы также не встретим...

В этом был особый трагизм – большая часть приказов со списками участников ополчения появилась уже после того, как ополчение перестало существовать, да и многих из перечисляемых в приказах людей уже не было в живых.

Несмотря на вышесказанное, с началом войны, казалось, жизнь консерватории не претерпела значительных изменений – так же как прежде, студенты сдавали экзамены, проходили защиты диссертаций, концерты студентов и аспирантов.

Профессор консерватории Л.И. Ройзман вспоминает о первом дне войны: «Утро в Москве выдалось пасмурное. По временам моросил мелкий дождик»⁸. Воскресный июньский день был особенно ответственным для органиста и пианиста Ройзмана: это была дата его аспирантского концерта, который не был перенесен, несмотря на начавшуюся войну.

22 июня был последний вступительный экзамен по русскому языку и литературе, а 23-го были объявлены списки поступивших на первый курс. Среди них были: органист С.Л. Дижур, пианистка Л.И. Фихтенгольц, виолончелистка Т.А. Гайдамович, композитор Б.А. Чайковский, флейтист П.З. Барышников, композитор К.С. Хачатурян.

27 июня состоялись защиты диссертаций «на соискание ученой степени кандидата искусствоведческих наук» Б.М. Ярустовского по теме «Вопросы оперной драматургии П.И. Чай-

ковского» и В.А. Гроссман – «Русский романс первой половины XIX века (к вопросу о музыкально-поэтическом образе)».

В августе началась постепенная эвакуация. Слово «постепенная» выделяю особо, поскольку фактически отъезды педагогов и студентов (в том числе учащихся ЦМШ при консерватории) продолжались в период с начала августа по ноябрь 1941 года, а, возможно и планировавшаяся, общая эвакуация консерватории в силу возникших позднее обстоятельств так и не состоялась.

В первую очередь эвакуировались национальные студии и часть педагогов консерватории, старейших профессоров во главе с директором консерватории А.Б. Гольденвейзером направили на Северный Кавказ, а затем в Среднюю Азию⁹. Исполняющим обязанности директора был назначен профессор Г.А. Столяров.

В Пензу была эвакуирована ЦМШ, с учащимися выехали некоторые педагоги консерватории (В.Э. Ферман, Л.А. Мазель, Т.Н. Ливанова, М.И. Ямпольский, А.И. Ямпольский, К.Г. Мострас). Часть педагогов в начале осени выехала в Свердловск, Казань, Самару (в те годы – Куйбышев).

Несмотря на трудное время, консерватория рассылала студентам почтовые карточки и телеграммы с целью напомнить, что учебный год, как всегда, начнется 1 сентября.

Г.А. Столяров

В консерватории на 15 сентября 1941 года фактически учились 437 студентов (против 944 в марте 1941 года). Однако из этих 437 человек еще около 60 реально находились в ополчении или частях Красной Армии. Путаница со списками студентов будет продолжаться и впоследствии: в приказах декабря 1941 – января 1942 годов указывались то отчисленные, то восстановленные студенты.

Приказ о назначении проф. Г.А. Стоярова директором Московской консерватории

Начало нового учебного года было ознаменовано ярким событием. В рядах преподавательского состава появились эвакуированные из Ленинграда профессора Р.И. Грубер и Д.Д. Шостакович¹⁰.

Почтовая карточка на имя Т.А. Гайдамович

Приказ о зачислении
в штат Московской
консерватории проф.
Д.Д. Шостаковича

1 сентября после торжественного митинга в Малом зале, на котором выступил А.Ф. Гедике, призвавший к ужесточению трудовой дисциплины и организованности, в консерватории начались учебные занятия. «Начало учебного года» было до некоторой степени формальностью. Учебный процесс оказался зависим от внешних обстоятельств и в какой-то степени подменялся объективно необходимой и важной работой концертных фронтовых бригад, а также деятельностью всех оставшихся в Москве студентов и преподавателей на предприятиях, помощью в строительстве оборонительных сооружений и дежурствами во время налетов вражеской авиации¹¹.

Приказом ВКВШ при СНК СССР № 22/МП от 5 сентября 1941 года директорам вузов было дано право разрешать студентам, совмещающим учебу в вузе с работой на предприятии, сдавать зачеты по пройденным курсам без обязательного посещения лекций и семинарских занятий и разрешалось всю работу, которую вели исполнительские факультеты по организации и деятельности концертных бригад, засчитывать как учебную и научно-исследовательскую работу.

Но все же строгость требований к дисциплине в учебной жизни не ослаблялась даже в случае самых незначительных опозданий и возвращений из отпуска. Так, в приказе № 539 по Московской консерватории от 15 сентября 1941 года Э.Г. Гилельс и Р.В. Тамаркина получили выговор за несвоевременное извещение об опоздании на работу при возвращении из отпуска.

Важным событием в жизни консерватории осенью 1941 года стало заседание Художественного совета, состоявшееся 8 октября. Удивительным было само время проведения заседания в момент развивающегося наступления немецких войск на Москву.

На заседании обсуждались вопросы, связанные с началом учебного года, научной и концертной деятельностью консерватории, работой «Музыкального лектория», организацией военной подготовки профессорско-преподавательского состава и студентов, проведением мероприятий по противовоздушной обороне и обустройству бомбоубежищ.

Любопытно, что об ополчении на этом заседании не было сказано ни слова (и это после невероятного эмоционального подъема при его создании летом), из чего можно сделать вывод, что постоянной связи с ним не было.

Об эвакуации говорилось только в контексте решения Моссовета об обязательной эвакуации матерей с детьми¹².

В воспоминаниях очевидцев «официальными» датами эвакуации Московской консерватории в Саратов чаще всего называются 16 и 17 октября. Однако есть все основания утверждать, что «официальной» эвакуация консерватории так и не стала, чему было несколько серьезных причин.

Эвакуация большинства крупных учреждений искусства по сравнению с промышленными предприятиями откладывалась «на потом». Так, Постановление Государственного комитета обороны СССР № 788 (с грифом «совершенно секретно») «Об эвакуации Большого театра, МХАТа, Малого театра и театра им. Вахтангова» было утверждено лишь 13 октября 1941 года. В нем ВКДИ при СНК СССР предписывалось «немедленно приступить к эвакуации» московских театров. До утверждения Постановления Государственного комитета обороны СССР № 801 «Об эвакуации столицы СССР г. Москвы» 15 октября 1941 года и до известного дня «московской паники» (16 октября) оставалось совсем немного времени.

Пока есть еще много вопросов относительно факта существования Постановления об эвакуации именно Московской консерватории. Вероятнее всего, его попросту не было, хотя обсуждение на самом высоком уровне, безусловно, состоялось. Возможно и то, что если и был намеченный план

организованной эвакуации вуза, то что-то в последний момент помешало его реализации, или план эвакуации консерватории не был проработан в достаточной мере¹³.

К концу октября 1941 года те, кто мог и хотел, покинули Москву. Те, кто остался, усиленно участвовали в обороне столицы и продолжали занятия как могли, фактически на чистом энтузиазме.

Творческая и учебная жизнь Московской консерватории в конце 1941-го – начале 1942 года полностью не замедлялась, несмотря на отсутствие многих профессоров, трудности быта, отсутствие регулярных занятий. Формально часть консерватории, оставшаяся в Москве, не работала с 16 октября 1941 по 10 марта 1942 года (когда состоялось открытие, по меткому выражению Л.И. Ройзмана, «Московского отделения Московской консерватории, находящейся в Саратове»), однако процесс творческого общения педагогов, оставшихся в Москве, и студентов не прекращался. Формы этого общения были разными: кто-то из студентов просто приходил в консерваторию и слушал репетиции Квартета имени Бетховена и А.Ф. Гедике, ежедневно занимавшегося на органе, кто-то приходил к своим профессорам домой.

В Москве добровольно остались (возможность уехать в эвакуацию была практически у каждого: либо с семьями, либо с организациями, где работали артисты) участники Квартета имени Бетховена, музыканты Большого симфонического оркестра радио во главе с Н.С. Головановым, дирижер Н.П. Аносов, скрипачи Д.Ф. Ойстрах и М.С. Козолупова, вокалисты Н.А. Обухова, Е.А. Степанова, Н.П. Рождественская, С.И. Мигай, пианисты М.В. Юдина, С.Т. Рихтер, Я.И. Зак. В начале 1942 года из осажденного Ленинграда привезут В.В. Софроницкий. В Москве оставался и целый ряд профессоров (Г.Р. Гинзбург, Я.В. Флиер, С.М. Козолупов, А.В. Володин, С.Н. Ерёмин), и студенты разных курсов, среди которых были: сестры Г.А. и Ю.А. Туркины, Т.А. Гайдамович, А.И. Ведерников, Е.Я. Рацер и другие.

Концерты в Большом и Малом залах консерватории осенью 1941 и зимой 1942 года проходили нерегулярно, однако это всегда были яркие события:

– 21 декабря в Большом зале консерватории Большой симфонический оркестр под руководством Н.С. Голованова

исполнил фрагменты из опер М.И. Глинки, Н.А. Римского-Корсакова, А.П. Бородина. Солистами были Н.А. Обухова, С. Лемешев и С.И. Мигай;

– 18 января в Малом зале консерватории состоялся один из известных военных концертов, весь сбор от которого шел на строительство танков. Участники: Квартет имени Бетховена, М.В. Юдина и В.И. Бергман (контрабас).

В начале января 1942 года в училище при консерватории была образована «вузовская группа» для отдельных консерваторцев, не покинувших Москву. В конце января, наряду с созданием новых концертных бригад, из оставшихся в Москве студентов был сформирован симфонический оркестр, и возобновилась работа Акустической лаборатории, выполнявшей важные работы, имеющие оборонное значение (в частности, изготовление аппарата для звуковых имитаций).

В начале марта 1942 года ВКВШ при СНК СССР разрешил проводить занятия в здании Московской консерватории. Исполняющим обязанности заведующего Московским отделением был И.И. Любимов, до войны – ученый секретарь Московской консерватории. Разрешение касалось только студентов 4-го и 5-го курсов, которые оставались в Москве. Этих студентов оказалось 119 человек: 58 на 4-м курсе и 61 на 5-м.

Первым выступлением симфонического оркестра стал концерт 17 мая в Большом зале консерватории. Собрать оркестр и подготовить полноценную концертную программу удалось благодаря жесткому руководству декана оркестрового факультета С.М. Козолупова и работе дирижера Н.П. Аносова.

Всего к августу 1942 года в Москве в порядке исполнительской практики студентов было проведено 45 концертов. Из них: 17 – в Большом и Малом залах консерватории, 9 – на радио (3 – для заграницы), 19 – шефских, по обслуживанию частей Красной Армии.

Государственные экзамены студентов-дипломников в Московском отделении состоялись в начале сентября 1942 года, но для нескольких выпускников экзамены были перенесены на январь 1943-го. Состав комиссии «по специальностям историко-теоретической, музыкально-педагогической и дирижерско-хоровой» был утвержден Главным управлением учебных заведений при ВКВШ при СНК СССР

в следующем составе: профессора Н.М. Данилин, В.А. Белый, И.В. Способин, К.А. Кузнецов, Г.Р. Гинзбург, М.В. Юдина, доцент И.И. Любимов. Председателем комиссии назначался Д.Б. Кабалевский.

Деятельность Московского отделения Московской консерватории невозможно рассматривать в отрыве от того, что происходило в Саратове с той частью педагогов и студентов, которые эвакуировались в октябре 1941 года.

С ноября 1941 по сентябрь 1943 года деятельность эвакуированной части Московской консерватории разворачивалась в стенах Саратовской консерватории под руководством и.о. директора Г.А. Столярова. На короткий период все студенты и педагоги Саратовской консерватории стали частью коллектива Московской консерватории. Занятия велись в объединенных группах. Формально деятельность консерватории в эвакуации продолжалась до сентября 1943 года.

По состоянию на 1 декабря 1942 года в саратовской части Московской консерватории числились: Г.М. Коган и А.В. Шацкес, Я.И. Мильштейн и Л.М. Цейтлин, М.И. Табаков и М.И. Ямпольский, Г.А. Орвид и Л.М. Гинзбург, Г.В. Келдыш и Т.Н. Ливанова, С.С. Скребков и В.О. Берков, В.В. Протопопов и Г.А. Дмитревский, Г.И. Литинский и В.Г. Соколов.

Студенческий состав был немногочисленным и насчитывал на начало 1942 года всего 91 человека. Позже число студентов увеличилось¹⁴, однако тот факт, что их численность постоянно менялась, не мог не создавать некоторую нервозность обстановки, связанную с пребыванием Московской консерватории в Саратове. Более того, данный факт ставил под сомнение не только легитимность «официальной» эвакуации, но и способность Г.А. Столярова реально управлять вверенным ему коллективом.

При первой же возможности педагоги и студенты пытались вернуться в Москву. Решение об открытии Московского отделения консерватории стало миной замедленного действия: вместо концентрации всех педагогических сил и студентов в месте эвакуации появлялся другой центр, гораздо более притягательный во всех отношениях.

В Саратов в течение весны и лета 1942 года одна за другой направлялись комиссии ВКВШ при СНК СССР, выявляв-

шие нарушения дисциплины в учебной деятельности, что было легко объяснимо: большинство студентов были включены в состав концертных бригад по обслуживанию бойцов РККА. Однако ответственность за плохое посещение студентами занятий возлагалась на руководство вуза.

После одной из проверок были сделаны неутешительные выводы: «подавляющее большинство педагогов Московской государственной консерватории, после эвакуации ее в Саратов, не ведет педагогической работы в этом вузе. Все руководители основных кафедр консерватории: фортепиано, виолончели, пения, композиции, истории музыки, теории музыки и др., не прибыли в Саратов... Из 20 профессоров специальностей “струнные и духовые инструменты” в Саратове находились 3 профессора; ни один из 11 профессоров вокальной специальности не был эвакуирован вместе с консерваторией; из 10 профессоров специальности “фортепиано” в Саратове находились 2 профессора; из 47 профессоров, членов Ученого Совета консерватории, в Саратове работали 8 человек»¹⁵.

Дальше шло практически невыполнимое требование к Г.А. Столярову обеспечить концентрацию разбросанных по всей стране консерваторцев в Саратове.

Столь суровая оценка деятельности коллектива Московской консерватории, находящегося в эвакуации в трудных условиях, была необъективной. Саратовский филиал работал много и плодотворно. Как и в Москве, регулярно проводились концерты в Большом и Малом залах Саратовской консерватории, были организованы музыкальные лектории на следующие темы: «Музыка в дни Великой Отечественной войны», «Русская музыкальная классика», «Музыкальное прошлое Саратова», «Творчество Шостаковича», «Образы Шекспира в музыке». Цикл лекций и специальный семинар по И.С. Баху прочитал Б.Л. Яворский. Проводились научные сессии. Активно шла работа концертных бригад.

Как и в Москве, в Саратове был собран симфонический оркестр из числа учащихся. Руководил им непосредственно Г.А. Столяров. В оркестре помимо студентов консерватории, слушателей военно-дирижерского факультета играли многие педагоги консерватории (в частности, концертмейсте-